Валентин ОВЕЧКИН

Наотмашь Колосова

Сцены из новой пьесы

(ПРОДОЛЖЕНИЕ.
Начало см. «Курскую правду» № 230).

ШАВРОВ. Дождусь своего ордена, мне не к спеху. Главное—силы сберечь, старость подходит. Меня, дед, колхозники любят не за страхвикацию. Я другим силен.

ГАВРИЛЫЧ. А любят-таки?

ШАВРОВ. Любят. Восемь раз за меня руки поднимали. Хоть и не единогласно, но—прощаю, то—несознательные. Я — хозяин, не транжира, не мот. Что ни год, то—милиен. Откуда? По рублю, по копеечке... Подкинь-ка полынку в огонь, комар его духу боится.

Пауза.

ГАВРИЛЫЧ. Давеча Силкин тут проезжал, председатель райисполкома. Вечером, часов в восемь. Тебя спрашивал.

ШАВРОВ (усмехаясь). Ну? На чем ехал?

ГАВРИЛЫЧ. Да на жеребцах, на этих самых, что ты ему продал. Клял тебя—на чем свет стоит! Плакали, говорит, денежки. В суд, говорит, потянул бы его, да неудобно как-то советской власти с колхозом судиться.

ШАВРОВ. Хо-хо! А где ж его глаза были, когда покупал?

ГАВРИЛЫЧ. За грыжу он не обижается, моя, говорит, вина, не досмотрел. Так гнедой-то еще и с норовом.

ШАВРОВ. С душком, точно. В лужу, в грязь и оглоблей не загонишь. Ежели дождь в дороге захватил—все, слезай, не повезет. Хо-хо! А с виду—звери, не кони. Не обманешь—не продашь.

ГАВРИЛЫЧ (в сторону). Честный плут, оно и есть.

ШАВРОВ. Чего говоришь?

ГАВРИЛЫЧ. На базаре люди называют наш колхоз «Честный плут», заместо: «Честный труд».

ШАВРОВ. Не слыхал. Ну, это дурачье дело—колхозам прозвища давать.

ГАВРИЛЫЧ. Верно, колхоз-то причем... Хотя, знаешь, оно передается, от старших... Вот этого ты должон бы знать—маляра Федьку Скворца, в вашем селе жил. Плутяга был, картежник и вор. В церкви, когда иконы писал, купель спер, ту, что детей крестят, думал серебряная. И было у него трое сыновей. Как подросли—первым делом у него же самого годовалого бычка из конюшни через окно вытащили, обули его в сапоги, носками назад, чтобы отец не кинулся искать по следу, отвели в Речицу, продали там с сапогами, и деньги пропили. Вишь как! Воспитания!

(Слышны шаги издали).

ШАВРОВ. Тише! Кто-то идет.

(Полевой дорогой к костру подходит Василий Черныш, с небольшим чемоданом в руке).

ЧЕРНЫШ. Что за люди? Пастухи? Здравствуйте. Огонька у вас можно? (присаживается на корточки к костру, прикуривает папиросу).

ШАВРОВ. Здорово. Не пастухи... А ты кто таков? Куда путь держишь?

ЧЕРНЫШ. Со станции иду в район (оглядывается). «Труд»? Его степь, вроде. Речка там... Вон поворот на «Парижскую коммуну». Так... Не пастухи?

ГАВРИЛЫЧ (всматриваясь, встает, обходит костер). Василий Павлович! Ты ли это? Товарищ Черныш! Родной!..

ЧЕРНЫШ (встает). Кто? Гаврилыч? Дед! Живой? А писали мне —никого нет.

ГАВРИЛЫЧ. Один, один остался... Василий Павлович, голубчик! Тебя ли вижу?

ЧЕРНЫШ (молча трясет деда за плечи). А постарел, дед. Э-эх!..

ГАВРИЛЫЧ. На себя погляди. Не признать. По голосу узнал.

ШАВРОВ (подходит, подает руку). Черныш? Какими судьбами?

ЧЕРНЫШ. Шавров? Сосед! Здравствуй, здравствуй! На старом месте?

ШАВРОВ. Как дуб!

ГАВРИЛЫЧ. В гости к нам, Василий Павлович, или на работу?

ШАВРОВ. Какая же ему тут работа. Колхоза-то нет.

ЧЕРНЫШ. Потянуло на родину, Гаврилыч. В наши степи...

ГАВРИЛЫЧ. В городе жил это время?

ЧЕРНЫШ. Два года.

ГАВРИЛЫЧ. Ну, там деревенскому человеку трудно.

ШАВРОВ. Воздуху мало. Меня в прошлом году на курсы посылали, месяц пробыл—не могу! Газы, копоть. Походишь день по асфальту в сапогах—ступни печет! Сырому человеку вовсе плохо. Как там люди терпят!

ЧЕРНЫШ. Вышел в отставку, с пенсией. Работал в одном учреждении. На производство итти—специальности нет. Так—существовал. А как прослышал, что вас тут опять природа обижает—не выдержал (хлопает по чемодану). Весь тут с движимым и недвижимым. Завтра пойду в райком. Кто у вас теперь секретарем?

ШАВРОВ. Секретарь новый. Не так-то новый, третий год уже, с освобождения. Тимошин. Не знал такого?

ЧЕРНЫШ. Не знал. (Садится у костра, долго молчит). Что там сейчас, дед?

ГАВРИЛЫЧ. Ничего. Мертвое место. Бурьяны да дымари обгорелые торчат. И строиться никто не хочет на пепелище... В Осиновом Логу, где расстреливали—братская могила.

ЧЕРНЫШ. И—мои?

ГАВРИЛЫЧ. Там, все...

(Большая пауза).

ШАВРОВ. Где спалили села да люди остались, жили в землянках, там уже давно новые дома построили. А у вас же отстраивать некому. Землю вашу совхозу прирезали... Где ночевать будешь?

ЧЕРНЫШ. Время летнее. Где стал, там и стан.

ГАВРИЛЫЧ. Ко мне пойдем, хозяйка пустит. Я теперь здесь живу, Василий Павлович.

ЧЕРНЫШ. У Шаврова в колхозе?

ГАВРИЛЫЧ. Да. Куда денешься... Хоть оно, может, и не учтиво—приютили они меня,—но прямо скажу тебе, вот при нем (на Шаврова)—не то, не то! Не ракитянский колхоз «Борьба». Кишка у него тонка, даром что брюхо толстое.

ШАВРОВ. Язва старик! Хлебом не корми, дай только кого-нибудь облаять.

ЧЕРНЫШ. А я, бывало, пока он не придет в клуб, и собрания без него не открываю. Меня же, знаю, будет ругать, но послушать занятно.

ГАВРИЛЫЧ. За что тебя ругать, Вася? Кабы все такие председатели были—мы бы уже коммунизм построили... Вот (на Шаврова), что ему, что дереву доказывай. Верно—дуб. (Шавров смеется). И не рассердишь его. Нервы бережет, сто лет прожить хочет.

ЧЕРНЫШ. О чем же вы с ним спорите?

ГАВРИЛЫЧ. Обо всем. О направлении жизни.

ШАВРОВ. Философ!

ГАВРИЛЫЧ. Нет, брось! Я не только языком могу трепать. Я бы тебе своими руками на факте доказал, где надо богатство искать. Так ты же новины боишься, как Рябко мотоцикла. Надул советскую власть, продал Силкину кляч негодных, думаешь: вот я хозяин! Обормот ты, а не хозяин!

ШАВРОВ. Ну, репей!..

ЧЕРНЫШ. А что вы тут делаете, ночью?

ШАВРОВ. С засухой боремся.

ЧЕРНЫШ. Как? Воду напускаете? (Осматривается). А где же канавы?

ГАВРИЛЫЧ. Какие канавы. Ведрами тут бабы носили.

ЧЕРНЫШ. Ведрами?..

ГАВРИЛЫЧ. Это Насти Колосовой участок.

ЧЕРНЫШ. Колосовой? Жива она? Не убили немцы?

ШАВРОВ. Жива. Со мной была в эвакуации.

ЧЕРНЫШ. Хорошо! Дорогого человека сберегли. Как она сейчас?

ШАВРОВ. Воюет.

ГАВРИЛЫЧ. Баба-то молодец, на своем деле. Да маленько испортилась. Не посолили во-время—притухла.

ШАВРОВ. Ну, это зря говоришь. У нее и сейчас тут целое опытное поле. Двадцать культур—по всем рекорды берет. В прошлом году орден Ленина ей дали. Академики к ней приезжали, кинос'емщики. Скоро картину будем смотреть про себя... И меня с нею (улыбается, показывает рукой—будто крутит ручку киноаппарата) это самое, засняли.

ЧЕРНЫШ. Ну, как же—председатель колхоза.

ГАВРИЛЫЧ. Куда ж тебя денешь... Вот она идет. Ты все сполнил, что она приказывала? Гляди, заругает!

ШАВРОВ. А что приказывала? Водовозки не отпускать? Стоят вон.

Слышны голоса звон ведер. Идут Настя, Наталья и еще 5—6 женщин ее звена. Настя, оборачиваясь, кричит в темноту возчикам: «Под'езжайте ближе!» За кулисами—движение, стук колес, понуканье лошадей. Не замечая Черныша, отодвинувшегося в тень, Настя с Натальей проходят мимо костра к берегу.

НАСТЯ (спускаясь к воде). Прокопыч! Во второй бригаде народ в поле ночует. Надо бы их сюда пригнать. И бочки у них там есть.

Настя с Натальей подают ведра с водой снизу от речки на гору. Другие женщины относят ведра на середину сцены. Третьи берут ведра и несут дальше, в глубину, за кулисы, к водовозкам. Работает Настя ловко, красиво, и все звено ее жонглирует ведрами слаженно, весело, без лишней суетни. Заметны многолетняя сработанность этих женщин и привычка беспрекословно подчиняться распоряжениям звеньевой.

ЖЕНЩИНА (выходя из темноты с порожними ведрами, отряхиваясь). Чорт! Все ведро спросонья мимо воронки вылил. И меня искупал.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. А ты б ему другое—на голову, чтоб проснулся.

НАТАЛЬЯ. Ой, лихие бабы во второй бригаде! Как напали на меня дюжина—насилу всех перекричала.

ТРЕТЬЯ ЖЕНЩИНА. Нарочно будем мимо их стану воду возить, чтоб спать им не давать.

НАТАЛЬЯ. Да с песнями!

НАСТЯ. Живей, живей, бабы! Не задерживайте ведра.

ГАВРИЛЫЧ. Двужильная... (берет ведро, идет к женщинам).

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. Вот Гаврилыч нам поможет.

НАТАЛЬЯ. Давайте запишем его в свое звено.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Не согласна. Мой Петрович ревновать будет. Каждый день допрос мне делает: а мужиков у вас в звене нету?

НАТАЛЬЯ. Так Гаврилыч не мужик.

ГАВРИЛЫЧ. А что ж я такое, по вашему мнению?

НАТАЛЬЯ. От мужика остатки...

ГАВРИЛЫЧ. Ой бабы, бабы! Создал вас бог, посмотрел, да и нос высморкал.

НАСТЯ. Не плескайте на тропинку. Скользко, на гору не вылезешь.

ТРЕТЬЯ ЖЕНЩИНА (из темноты). Одна полная!

НАСТЯ. От'езжай! (часть женщин уходит). Поливайте подряд до дороги. Да бочку быстрее назад! (уходит за женщинами за кулисы, слышно еще что-то говорит им, и сейчас же возвращается).

ЧЕРНЫШ (когда Настя проходит мимо него). И в других колхозах у вас, может быть, таким способом поливают? Прекратить надо эту кустарщину, а весь народ этот—послать канал копать.

НАСТЯ (приостанавливаясь). Что-то больно много у меня сегодня супротивников. Это еще кто тут об'явился? «Прекратить!». (Гаврилыч подходит к Чернышу).

ЧЕРНЫШ (к нему). За этим и приехал я, дед. В этом году не успеем, конечно, но на будущее время тоже ведь нужно. Если спрямить реку от Обвального до Ракитного—как раз серединой района канал пройдет. В Мироновке большое водохранилище—раз, в Михайловке—другое. Отводы сделать. Какие лога, овраги! В нашей местности, как в Средней Азии, можно всю землю арыками перекопать. Помнишь, я еще до войны предлагал.

ГАВРИЛЫЧ. Помню, помню. Соседи не поддержали (на Шаврова). Забогатели, по шесть кил давали, думали—во век их лихо не настигнет.

ЧЕРНЫШ (выдвигаясь на свет). Не узнаешь, Настасья Никитишна?

НАСТЯ Вроде знакомый человек... (оглядывается на Наталью). Кто же это?

НАТАЛЬЯ (на ухо Насте). Ракитянский председатель.

НАСТЯ. Черныш? Василий...

ЧЕРНЫШ. Павлович. Забыла? И хлеб-соль мою забыла? А приезжала ко мне с комиссией, договор подписывать. Угощал вас.

НАТАЛЬЯ. Помним, помним, как угощали. Приказывали завхозу: угощай их так, чтоб, как пойдут по фермам—две коровы из одной показывалось им.

НАСТЯ. Сосед...

ЧЕРНЫШ. Был сосед.

НАСТЯ. Куда ж вы приехали? До кого?

ЧЕРНЫШ. Вот в район свой... Еще нигде не был. Со станции иду, завернул на огонек.

НАСТЯ. Вы извините, что я на вас накричала. Не узнала.

ЧЕРНЫШ. Неважно. Под горячую руку попал?

НАТАЛЬЯ. Тут нынче все горячие да нервенные.

ЧЕРНЫШ. Отчего?

НАТАЛЬЯ. Хлеб горит. Второй год засуха...

НАСТЯ. Что ж вы—все в армии служили?

ЧЕРНЫШ. До конца войны. Потом в городе жил.

НАСТЯ. И опять в деревню потянуло? Неудачно приехали. Год нынче тяжелый будет.

ЧЕРНЫШ. Очень удачно—для того дела, которое задумал. Сейчас как раз и начинать. У нас память короткая на плохое. От беды подальше—забываем. А прикрутит—за ведра хватаемся.

НАСТЯ. О чем говорите?

ЧЕРНЫШ. Канал надо строить, Настасья Никитишна. Пора браться за орошение как следует. Пустое дело—так поливать.

НАСТЯ. Нет, не пустое! Никто не хочет понять, чего нам стоит вот это все, что здесь выросло! Здесь и слезы наши, и радости. Сколько трудов вложено!

ЧЕРНЫШ. Это не выход из положения—десяток гектаров.

НАСТЯ. Канал с нашим народом не построишь.

ЧЕРНЫШ. А с чьим народом мы противотанковые рвы копали? Железные дороги восстанавливали? Чуть продвинется фронт—уже следом за нами составы идут по новым путям.

НАСТЯ. То война была, враг перед глазами.

ЧЕРНЫШ. И сейчас война идет, только разобраться надо с кем и с чем.

НАСТЯ. Так они ж не хотят разбираться, Василий Павлович! Кабы ты, да я, да все в одно думали—можно горы перевернуть! Не с нашими людьми...

ЧЕРНЫШ. Рассердилась ты что-то на людей, Настенька.

НАСТЯ. Не пора ли? Какой мерой мне, такой и я. Лежебоки, тугодумы несчастные! Горло драть только способны... Эх, надоело мне здесь! Кабы из возраста не вышла—поехала бы учиться в Тимирязевку, как Маринка Корнеева. Ни мужа, ни детей—что меня тут держит?

ЧЕРНЫШ. Не век будешь учиться. Кончишь—опять работать надо.

НАСТЯ. Куда-нибудь на опытную станцию поступила бы. Там дело государственное: зарплата, приказ. А у нас в колхозе все «по силе возможности».

ГАВРИЛЫЧ. Одно слово, Настя, говоришь правильное, другое—неправильное. Загордилась ты.

НАСТЯ. А ну вас! Загордилась! Цену себе знаю, только всего. Что ж ты меня с Мотькой Паньчишкиной сравняешь, которая кричала тут: землю поделить? За тот урожай, что наше звено дает, мы по пуду хлеба на трудодень должны получать.

НАТАЛЬЯ. По пуду, не меньше.

НАСТЯ. А где оно? Растекается, как капля по тарелке. Мы даем, другие отнимают. И ведь не первый год так.

Из-за кулис голос: «Готово, можно ехать!»

НАСТЯ. Сейчас, иду (оглядывается). Прокопыч! Да чего же ты расселся? Я что приказала: ступай во вторую бригаду, гони еще пару бочек и людей. Да скорее, ночь проходит.

ШАВРОВ (встает). Иду, иду... Ох, укроют меня там бабы мокрым рядном! Ну, прощай, покуда, товарищ Черныш! Увидимся еще?

ЧЕРНЫШ. Увидимся. Я к деду пойду.

НАСТЯ. До свиданья, Василий Павлович! Поступайте работать в район, да почаще к нам приезжайте.

ЧЕРНЫШ. До свиданья.

(Женщины и Шавров уходят, остаются Черныш с Гаврилычем).

ГАВРИЛЫЧ. Тигра—не баба... Женись на ней, Василий Павлович. Женихов вокруг нее, правда, много вертится, но—далеко не ровня тебе. Ты всех отошьешь.

ЧЕРНЫШ. Брось.

ГАВРИЛЫЧ. А чем не жена? На твой характер. Ты, я помню, когда у нас племенной табун был, любил диких неуков сам об'езживать, хе-хе!

ЧЕРНЫШ. Не болтай пустое. (садится к костру). Что у вас за человек—секретарь райкома? Видел его? Как он—если предложить ему насчет канала?

ГАВРИЛЫЧ. Секретарем у нас Тимошин, Денис Григорьевич. Видел его, приезжал к нам. Беседовал даже со мной. Вроде, с понятием мужик. В людях разбирается. Шаврова нашего прозвал: «базарный миллионщик». Тебя он из района не выпустит.

ЧЕРНЫШ (смотрит на старика). Значит, один остался?.. Ну, рассказывай, как было...

ГАВРИЛЫЧ (долго молчит). Не ходи туда ночью. Днем наведаешься. Ночью там вовсе страшно. Сычи кричат... Что тебе рассказать? Было так. Обрезали нас немцы, Василий Павлович. Мы их не скоро ждали, собирались скот угонять, а они прорвались танками к Каменному мосту. Рано утром на зорьке в'езжают в село: три танка, а за ними машины с солдатами... Иван Михайлович, бригадир наш, с отчаянности сам свою хату запалил. Красный партизан, актив, кулаков выселял, сын — майор—все равно, думает, погибать от этой своры. Немцы—вот они, а его хата горит, и он сам по двору ходит с вилами, с хаты на сарай огонь перекидывает. Тут его и взяли. Обмер, ни слова не сказал народу, когда петлю на шею накинули. Не научились еще помирать, после вольной жизни. Как сон было первое время—немцы ходят по нашей земле! Неужели—конец всему? Да... Вот, значит, одно замечание за нами—плохо встретили гостей. Потом зимою нашли в старом колодце за мостком ихнего солдата мертвого. Может, кто из наших людей придушил его и кинул туда—не знаем, как оно было...

ЧЕРНЫШ. Ну?

ГАВРИЛЫЧ. За того немца расстреляли у нас каждого десятого. Согнали весь народ на площадь. Ну, тут уж люди не молчали. Которых стали отводить в сторону, кричали им: «Погибнете, собаки, на русской земле!» Марья Колесникова десятой стояла, на нее счет упал. А рядом—дочка. Ухватилась за мать: «Не пущу, мамочку! Я за нее пойду!» Не розняли, так обеих и потащили...

ЧЕРНЫШ. Моих—не тогда?

ГАВРИЛЫЧ. Нет, не в тот раз... Еще был случай: Степанида Воронкова, соседка моя, двух немцев отравила, офицера и денщика. За сына. Сын ее в плену был, в лагере, убили его. И сама той же отравы приняла... Не тем духом был напитан наш народ, чтобы в рабстве жить. Вот за это вышел приказ от начальника гестапо: уничтожить все население. Приехали каратели на машинах. Что было, как было—никто тебе не расскажет... На другой день погнали отсюда людей в Ракитное трупы убирать. ...На то место, что осталось от Ракитного. И сады спалили. Обливали деревья чем-то горючим... А я накануне того дня к дочке пошел на хутор, остался ночевать. Тем и спасся. Один. Да фронтовиков несколько пришло после, тоже разбрелись по другим колхозам. Вот как наше Ракитное порешили...

Пауза.

ЧЕРНЫШ. Дед, что жена перед смертью говорила? Юра мой? Вспоминали меня?

ГАВРИЛЫЧ. Не видал я их, Василий Павлович, в тот час. Я ж тебе говорю, голубчик,—не было меня дома.

ЧЕРНЫШ. Не видал...

ГАВРИЛЫЧ. Сколько было сынку—годов пятнадцать?

ЧЕРНЫШ. Уходил на фронт—сравнялось...

ГАВРИЛЫЧ. Малой. Чуть бы постарше—может, вместе бы служили, вместе вернулись...

Большая пауза.

ЧЕРНЫШ. Как сон, говоришь, было? Нет, не сон... Надо, дед, большое что-то сделать всем нам, на нашей земле, чтоб не повторилось такое никогда!

Занавес.

(Продолжение следует).

Работницы курского «Зеленстроя» М. Жиляева и М. Маслова сажают деревья в новом сквере на углу улиц Ленина и Веселой.

Фото А. Говорова.

ДОСРОЧНО ВЫПОЛНИМ ФИНАНСОВЫЙ ПЛАН!

ПРИМЕР АКТИВИСТОВ

РЫЛЬСК. (По телефону). Горелуховский сельсовет занимает в районе одно из первых мест по выполнению финансового плана. Особенно успешно жители села погашают платежи по сельхозналогу. Из 148 тысяч рублей, причитающихся к уплате в четвертом квартале, уже внесено 108 тысяч.

Успех финансовой работы здесь обеспечивает сельский актив.

На территории сельсовета шесть колхозов. В двух из них —им. Ленина и им. Рокоссовского—денежные средства поступали хорошо, в остальных четырех—хуже. Чтобы не запускать дело, исполком сельсовета создал четыре бригады из активистов. Эти бригады оказывают серьезную помощь финагенту.

Большую работу по мобилизации средств проводит председатель финансово-бюджетной комиссии сельсовета депутат И. Е. Бубнов, бригадир колхоза им. Рокоссовского. Сам он первым рассчитался по всем денежным платежам. По инициативе тов. Бубнова в октябре был проведен сельский сход, на котором обсуждался вопрос о досрочном внесении налога.

Этот вопрос на днях обсуждался и на заседании исполкома сельсовета. Все активисты села взяли обязательство в течение двух-трех дней завершить уплату денежных средств по сельхозналогу.

БЕЗ РУЛЯ И БЕЗ ВЕТРИЛ...

Ленинский (сельский) район—один из отстающих по выполнению финансового плана. Из года в год здесь проваливают это важнейшее государственное дело. Недоимки по налогам составляют в районе около миллиона рублей. Исключительно плохо поступают денежные средства и сейчас. На 15 ноября по району насчитывалось около 1000 хозяйств, которые еще не приступали к уплате сельхозналога.

Что же является причиной такой запущенной финансовой работы? Прежде всего безответственность, которая царит в самом аппарате райфинотдела. Этим отделом уже около года руководит тов. Жарких, но он никак не наведет в своем аппарате надлежащего порядка. Дисциплина в райфо слабая, его работники формально относятся к делу. Выезжая в села, они не контролируют работу финансовых агентов. А ведь многие из них недобросовестно выполняют свои обязанности.

Создавшееся в районе положение требовало от райисполкома (председатель тов. Литвинов) срочных мер. Но райисполком совершенно устранился от руководства финансовым отделом. Попустительствовал райисполком и председателям отстающих сельсоветов. Дело дошло до того, что отдельные председатели сельсоветов перестали выполнять распоряжения райисполкома.

Однажды здесь попытались провести районный слет финансовых работников. Были приглашены и председатели сельсоветов. Но никто не явился.

В районе никто не заботится об оживлении работы постоянных бюджетно-финансовых комиссий сельсоветов. Ничего существенного не сделала и бюджетно-финансовая комиссия райсовета.

Райком партии (секретарь тов. Рыбинский) также не понял создавшегося положения. Мобилизацию денежных средств райком считал делом одних финансовых органов. Когда заведующий райфо тов. Жарких обратился в райком за помощью, ему ответили: «Работайте, собирайте и выполняйте сами».

Положение в Ленинском районе оказалось настолько серьезным, что министр финансов СССР тов. Косыгин на днях издал приказ, в котором об'явил выговор зав. райфинотделом тов. Жарких и потребовал от областного финансового отдела помочь Ленинскому району навести порядок в этой важной работе.

А. ГРИГОРОВИЧ.

Национальному совету федерации горняков Франции

Грузинский республиканский комитет профсоюза рабочих каменноугольной промышленности западных районов СССР от имени шахтеров Грузинской ССР выражает горячую братскую солидарность бастующим горнякам Франции, стойко борющимся за свои жизненные права.

Советские шахтеры глубоко возмущены применением вооруженных сил для подавления забастовки французских горняков, которые требуют улучшения своих жизненных условий и отмены антирабочих декретов.

Приветствуя мужественных горняков Франции, желаем им полной победы в борьбе за удовлетворение их справедливых требований.

По поручению шахтеров Грузинской ССР председатель Грузинского республиканского комитета профсоюза рабочих каменноугольной промышленности западных районов СССР

ГОРГИДЗЕ.

* *

Грузинский республиканский комитет профсоюза рабочих каменноугольной промышленности западных районов СССР постановил выделить для оказания помощи бастующим горнякам Франции 35 тысяч рублей, что составляет в переводе на французскую валюту 2 миллиона 11 тысяч франков.

Национальному совету федерации горняков Франции

От имени горняков Эстонской ССР горячо приветствуем и выражаем братскую солидарность бастующим горнякам Франции.

Уверены, что никакие провокации и полицейские преследования не сломят их волю к победе, ибо справедливая борьба французских горняков за улучшение своих жизненных условий вызывает сочувствие и находит горячую поддержку у трудящихся всего мира.

С братским приветом и пожеланием успеха

От имени горняков Эстонской республики председатель Эстонского республиканского комитета профсоюза рабочих каменноугольной промышленности западных районов СССР

МАКАРОВ.

* * *

Эстонский республиканский комитет профсоюза рабочих каменноугольной промышленности западных районов СССР постановил направить в знак солидарности бастующим горнякам Франции 65 тысяч рублей, что составляет в переводе на французскую валюту 3 миллиона 736 тыс. франков.

К бастующим горнякам Франции присоединяются докеры и матросы торгового флота

ПАРИЖ, 19 ноября. (ТАСС). Забастовка французских горняков продолжается — горняки полны решимости продолжать борьбу до победного конца. Несмотря на официальные данные о числе приступивших к работе и количестве добытого угля, несмотря на утверждение членов правительства в Национальном собрании о том, что забастовка якобы уже прекратилась, заявления депутатов-коммунистов в Национальном собрании, представляющих горняцкие районы, а также сообщения корреспондентов газет и коммюнике Бюро Федерации горняков говорят об обратном.

«С каждым днем, — пишет газета «Юманите»,—все большее и большее число горняков, временно приступивших было к работе, вновь присоединяется к забастовке. Рабочие, силой и угрозами загнанные в шахты, вновь прекращают работу.

Правительство усиливает давление и террор, производятся новые аресты, семьи бастующих горняков лишаются семейных пособий, детей горняков лишают молока».

«В результате энергичных действий Федерации горняков департамента Гар, — пишет корреспондент газеты «Юманите», — удалось добиться освобождения 28 ранее арестованных горняков».

По сообщению той же газеты, карательные отряды проводят в угольных бассейнах «настоящую охоту на людей».

По всей Франции началось движение протеста против новых проектов законов, предложенных правительством в Национальном собрании. С каждым днем ширится недовольство среди французских докеров и моряков торгового флота. Отказ правительства удовлетворить их требования о повышении заработной платы, репрессии, проводимые против докеров, проявляющих солидарность с бастующими горняками, привели к новому росту недовольства.

Не добившись удовлетворения своих требований путем переговоров, две тысячи докеров порта Дюнкерк об'явили забастовку. Против них были брошены полицейские силы. Докеры Дюнкерка заперли порт и возвели вокруг него баррикады. По сообщению печати, в Дюнкерк прибывают новые полицейские части и «республиканские отряды безопасности».

«Численность вооруженных сил, выгрузившихся на вокзале в Дюнкерке, — пишет «Фигаро»,—доходит до четырех тысяч человек. Дюнкерк напоминает прифронтовой город во время войны. Движение на улицах регулируют вооруженные солдаты в касках. По улицам движутся моточасти, «виллисы», машины с радиоустановками, североафриканские войска и интендантские части. Воинские части разбили бивуаки вокруг города. Над портом, где забаррикадировались докеры, летает разведывательный самолет, фотографируя систему возведенных в порту баррикад».

Профсоюзные организации Дюнкерка в знак протеста против концентрации в городе вооруженных сил приняли решение об об'явлении всеобщей забастовки. Федерация докеров всех портов Франции заявила вчера после референдума, проведенного в портах, в результате которого подавляющее число докеров высказалось за проведение забастовки, об об'явлении с 22 ноября забастовки во всех портах Франции.

Федерация докеров направила главе правительства Кэю письмо, в котором требует встречи с ним. В случае неблагоприятного ответа ожидают, что 22 ноября забастуют 50 тысяч французских докеров.

Уже несколько недель бастуют моряки 70 судов, находящихся в Марсельском порту. На требование моряков Марселя о повышении заработной платы правительство ответило приказом о принудительной мобилизации. Уже арестовано и предано суду 34 марсельских моряка, отказавшихся подчиниться этому приказу. Моряки и командный состав требуют повышения заработной платы на 35 процентов, так как зарплата французских моряков является самой низкой в мире.

«Офицеры торгового флота,—пишет газета «Либерасьон», — возмущены приказом о принудительной мобилизации. Репрессии против докеров Дюнкерка рискуют вызвать всеобщее возмущение среди моряков».

Вчера моряки порта Руан приняли решение о проведении забастовки. Уже вчера в порту Руан забастовали моряки 16 судов. Бастуют моряки портов Сет и Порт-де-Бук.

Сегодня в знак солидарности с бастующими моряками, офицеры всех судов французского торгового флота проводят во всех портах страны всеобщую двухчасовую забастовку. Забастовка была об'явлена после того, как это решение было обсуждено и одобрено на всех судах.

Пленум ЦК компартии Чехословакии

ПРАГА, 19 ноября. (ТАСС). 17—18 ноября состоялся пленум Центрального комитета коммунистической партии Чехословакии. Это—первый пленум после об'единения компартии Чехословакии с социально-демократической партией, а также после об'единения компартии Чехословакии с коммунистической партией Словакии в единую компартию Чехословацкой республики. В работе пленума приняли участие, кроме членов и кандидатов Центрального комитета компартии, секретари областных комитетов, депутаты парламента от коммунистической партии Чехословакии и компартии Словакии, видные деятели компартии.

Основной политический доклад сделал председатель партии Клемент Готвальд. В своем докладе Готвальд подверг подробному анализу политическое и экономическое развитие страны за период после февраля 1948 года и наметил основные задачи дальнейшего развития Чехословакии к социализму.

О новых задачах партийных организаций и партийных органов в области выполнения пятилетнего плана выступил с докладом генеральный секретарь коммунистической партии Чехословакии Сланский. По докладам Готвальда и Сланского развернулись прения, в которых приняли участие 30 человек.

С докладом о значении об'единения компартии Чехословакии с компартией Словакии выступил председатель компартии Словакии Широкий.

В РУМЫНИИ ВСТУПИЛ В СТРОЙ НОВЫЙ ЗАВОД ЭЛЕКТРОМОТОРОВ

БУХАРЕСТ, 19 ноября. (ТАСС). В июле текущего года по инициативе румынской рабочей партии в пригороде Бухареста—Котрочень началось строительство нового, самого крупного в Румынии завода электромоторов. Новый завод на днях вступил в строй. Газета «Скынтейя» подчеркивает, что вступление в строй этого завода является новой победой на пути индустриализации Румынии, новым вкладом в дело укрепления национальной промышленности.